

Петрович выбрался из трамвая на конечной остановке и закрутил головой в поисках знакомых, никого не приметив, махнул рукой и неторопливо пошел вдоль длинного заводского забора. С одной стороны высоченный забор, за которым мрачные цеха и оттуда постоянно доносился шум и грохот, а напротив забора, через дорогу начинаются дачные участки. Здесь, возле проходной, в основном получило заводское начальство. Все под рукой: работа, гаражи и дачи. Правда, между ними затесались простые работяги. Этих сразу отличишь по заборам. У начальства-то металлические, высокие или из кирпича выложили, а поверх колючую проволоку натянули, чтобы никто не залез, а рабочие строили из всего, что под руки попадало. У одних из штакетника, у других забор из разнокалиберных досок, а вот Иван Елисеевич умудрился сделать из старых дверей. Да-да... И где достал столько дверей, никому не говорит. Даже небольшую будочку из них смастерили, а потом обшил рейкой, и получилось довольно-таки симпатичный домик. Но больше всех удивил Кузьмич, который работал столяром или плотником — Петрович не помнил. Этот Кузьмич построил будку из обрезков древесины. Выписал двадцать или тридцать кубометров отходов, напилил, как кирпичи, все под один размер и выстроил будку, а остальной хлам к баньке перетаскал. Безотходное производство, так сказать. Все посмеивались, когда начинал строить. А когда отгрохал будку, да резные ставенки приладил, да крылечко резное, с других улиц на его теремок приходили полюбоваться. Особенно женщины приходили. Охали, ахали, а потом мужикам экскурсии устраивали и плешь проедали, чтобы такой же теремочек поставили, а может и получше. А Кузьмич сидел на крылечке и посмеивался, а сам думал, что еще эдакое смастерить. Правильно говорят, что голь на выдумки хитра...

— Петрович, меня подожди,— донесся голос и, оглянувшись, он увидел, как по дороге, торопливо перебирая коротковатыми ногами, шагает мужичок, с рюкзаком на плечах.— Здорово! С прошлого года не виделись.

— А, Володька, здорово, коль не шутишь,— приостановился Петрович.— Давно сезон открыл?

— Сегодня впервые пошел, а что? — догнал мужичок и сунул ладошку, здороваясь.— А ты когда открыл?

— Я уж раза три или четыре был,— нахмурив густые бровищи, сказал Петрович.— Еще по снегу приходил. Кое-как пролез. По крышу замело, заборов не было видно. В емкость снегу набросал, бочки набил...

— А, правду говорят, что опять по огородам лазили? — быстро перебирая коротковатыми ногами, сказал мужичок.— Егоровну встретил на прошлой неделе, она сказала, будто Мамай по участкам прошел. Все подчистую выгребли. Сволочи! — и заматюгаясь.

— Да, Вовка, почистили наши огороды,— завздыхал Петрович.— Каждый год налеты делают, а милиция ворон ловит. Под носом дачи, а они сидят и будто не видят, что здесь чужие машины мотаются. Все видят, но палец о палец не ударят, чтобы выйти и остановить. Ну, ты приподними задницу-то, шагни за порог, останови машину, да в кузов загляни и спроси, откуда вещички-то? И все, можно брать под белы рученьки и в тюрьму его. Так нет, сидят и не шелохнутся, потому что им лишняя головная боль не нужна. Зато, как недавно говорили, случайно поймали какого-то алкашонка или бомжа, на него повесили все кражи и отправили в тюрьму. Наверное, бомж до сих пор радуется, что туда попал. Не надо башку ломать, где взять жратву, а в тюрьме накормят, напоят и спать уложат. Для него зона — это дом отдыха, по-другому не назовешь.

— Ага, твоя правда, что ворон считают,— вскинулся Володька, и подпрыгнул, поправляя тяжелый рюкзак.— Зато охрана умеет дачи начальников караулить. Близко не подпустят, сразу подмогу вызывают и за оружие хватаются, а на простых рабочих им наплевать. Работнички, мать вашу так, так и еще разэтак! — и длинно, витиевато заматерился.

— Татьяна, привет! — приостановившись, Петрович громко крикнул женщине, которая граблями собирала мусор на участке.— Готовишься к посевной?

— А, ребятки, здрасьте! — она разогнулась, держась за поясницу, и вытерла тыльной стороной ладони лоб.— Да, нужно убраться. Осенью, перед снегом прибралась, а сейчас пришла и будто ничего не делала. Весь участок в мусоре. Откуда принесло, не понимаю. Земле нужно кланяться, тогда урожай будет. Слыши, Петрович, нашего председателя не видел?

— А зачем тебе? — сказал Петрович.— Что случилось?

— Да узнать, когда воду станет давать,— опершись о черенок, сказала женщина.— А то получится, как позапрошлый год. Высадили, а поливать нечем. У многих половина урожая пропала. Да еще труба проходила. Пусть сварщика пришлет, чтобы заварил, а то всех соседей затоплю.

— Нет, Алешку не встречал,— покачал головой Петрович.— Наверное, работает. Может к вечеру появится. Ты поглядывай. Скажи, пусть к нам заглянет.

И неторопливо пошел по разбитой дороге.

— Ладно, скажу,— крикнула вслед женщина и опять склонилась, работая граблями.

Петрович опять остановился. Закрутил головой, прислушиваясь. Стал внимательно всматриваться в яблоньки, а потом ткнул пальцем.

— Слыши, Володь, как птички заливаются? — он стоял, улыбаясь.— Весна пришла. Радуются. Я несколько скворечников повесил. Наверное, скворушки заняли. А воробышки так и прыгают, так и прыгают...

Мужичок тоже остановился. Долго стоял, прислушиваясь, потом захекал, махая рукой.

— Скажешь тоже — птички,— он засмеялся.— Это же воробы! А воробей, как известно, не птица...

— Дурак, это курица — не птица, как говорят,— заворчал Петрович.— Воробей — это самая главная из птиц. Я уже не первый год подкармливаю их и заметил, что воробей — это единственная птичка, которая не станет в одиночестве кушать, а всегда позовет свою семью. Хоть крошку хлеба найдет, или пригоршню семечек. Все делят на всех. Людям нужно поучиться у них, как должен жить человек. А мы привыкли, что каждый за себя и для себя, и все на этом, а они последней крошкой делятся. А ты — воробей — не птица... Дурак набитый!

И постучал скрюченным пальцем по Володькиной голове.

— Сам дурак,— буркнул мужичок и, подпрыгнув, опять поправил тяжелый рюкзак.— Воробыи наглые. Помню, в детстве всегда били их из рогаток. Еще спорили, кто больше других съебет за день.

— Точно — дурак, да еще какой,— буркнул Петрович и, не удержавшись, шлепнул Володьку по затылку.— Вон, я где-то читал, что в Китае какой-то умник, наподобие тебя, решил вывести всех воробьев. Будто они весь урожай истребляют. Вывели... И что? Урожай сожрали всякие мошки-блошки-козявки-букашки. Китайцы чуть с голода не перемерли. Ага, исхудали, кожа да кости остались... И тогда, чтобы спасти урожай и истребить насекомых, им пришлось покупать воробьев в других странах. Представь, сколько пришлось вкладывать труда и денег, чтобы уничтожить птиц, а еще больше потратили, когда закупали и опять разводили. Вот и получается, что воробей — это самая главная и ценная птица на планете. А ты — рогатка! Руки бы обломать вам, когда стреляли, а рогатку сунуть в одно место, чтобы пристесь не могли...

Они шли по дороге, переругиваясь. Иногда останавливались, отдыхали, и снова шагали по краю разбитой дороги. Оборачиваясь, Петрович видел, как изредка по дороге мелькали такие же дачники, как они. Правда, были и такие, кто мчался на машинах. Ехали одни, никого с собой не брали. Не останавливались, когда встречались старушки или старики. Проезжали, словно не замечали. А другие, наоборот, сами притормаживали, звали подвезти и тогда дачники садились в машину и облегченно вздохали — все не пешком в гору подниматься.

Добравшись до поворота, Петрович опять устроил перекур. Стоял, поглядывая на высокий забор, а через дорогу чернело поле. Огромное. Вдали темнела лесополоса, а еще подальше тонкой ниткой тянулась дорога и исчезала за горизонтом. Вздохнув, он посмотрел на подъем. С каждым годом все тяжелее и тяжелее добираться до огорода. А раньше бывало...

— Володька, помнишь, как участки получили? — сказал он и кивнул на едва заметные сады на склоне горы.— Ух, как мы радовались!

— Ага,— закивал головой мужичок.— Я несколько летостоял в очереди.

— А я тоже стоял, потом смотрю, многие, кто после меня был, уже получили, а я все жду,— задумавшись, сказал Петрович.— Пошел к начальству. Говорю, что за ерунда? Другие получили, а я с места не сдвинулся. В общем, сильно поругался. Даже матюги пускал. А после обеда подходит ко мне наш профсоюз и сует бумажку, где был написан номер участка. Не поверишь, чуть не заплясал. Жене сказал. Помчались смотреть. Кое-как нашли. Стоим посередине участка и радуемся — наша земля, наша! Глядим, там знакомые, и вон там стоят, и тут уже костер развели и чайник поставили, а эти бросили куртку на землю, уселись и пускают стакан по кругу — землицу обмывают, чтобы на ней все росло-плодоносило. Считай, многие с завода получили. И почти все знакомые. Так и начали потихонечку строиться и обживаться...

— Да, что ни говори, а раньше было лучше, чем сейчас,— вздохнул Володька.— Люди другими были, проще, что ли... Мы снаружи поставили забор, а внутри не ставили размечать. Посадили смородину и все — это весь забор между соседями. Они зай-

дут к нам, мы заглянем. Посидим, поболтаем. Бывало, пузырек раздавим на праздник. А вот наши нижние соседи быстро построились. Кирпич навезли, плиты. Домик поставили. Потом баньку сделали. И каждый выходной парились. Да еще гости приезжали. Мы между грядок ползаем, каждый сорнячок выдираем, а они напаряются, потом устроят застолье, глядишь, к вечеру все на бровях ползают, и бабы — тоже. О, жизнь! Для кого-то участок — средство для выживания, для поддержки штанов, а для других, чтобы на природе отдохнуть да водки нажраться...

И, правда, кто-то приезжал, чтобы отдохнуть на даче, а многие добирались, чтобы весь сезон пропахать на участке, тогда зимой будут соленья-варенья на столе, а это очень хорошее подспорье, как к зарплате, так и к пенсии. А были такие, кто на продаже участков зарабатывал деньги. Они умудрялись достать сразу несколько участков. Ставили жиденькие реденькие заборы, туалеты, похожие на скворечники, а потом продавали почти готовую дачу, как они называли. И в те времена люди покупали! Потому что не хватало этих садов-огородов, и желающие всегда находились. На рынке не накупишься, там в тридорога дерут. Зарплаты такие, что плакать хочется, а уж про пенсии и говорить нечего. Чтобы чинушам до конца дней своих жить на такие деньги, что старики начисляют. Сволоси! Вот старикам и приходится выживать, копаясь на своих грядках, а без садов и огородов давно бы повымирали. Не у всех же есть дети, кто может помочь...

Петрович взглянул на склон горы. Ужас, сколько участков побросали! А почему? Да потому что некому стало работать на них. Раньше, когда он был моложе, многие ездили с детьми. Сами работали на земле, а ребятишки в песке возились или по прогулкам бегали, все в прятки да в войнушку играли. Но, подрастая, детям скучно стало возиться на участках, да и времени не было. Школа, уроки, да еще с друзьями нужно встретиться и куда-нибудь сходить. В общем, молодежь слишком занята, чтобы тратить время на дачу. Это родителям нечего делать, вот они и возятся в земле... Петрович вздохнул, приложил ладонь и взглянул вдаль. Вон виднеется здоровенный особняк за забором. Не дом, а картинка. На участке все, что душе угодно. Почти каждый вечер оттуда шум и гам доносились. Вереница машин стояла, гости туда-сюда сновали, а потом хозяина не стало и дача никому не нужна. Жена не работала. Все на травке отдыхала или за столиком в беседке сидела, чай да кофе распивала, а дети раньше не приезжали, а теперь тем более не станут. Вот и стояла дача, никому не нужная. И никто не покупал — дорого. А весной добрался по сугробам, глядь, с особняка все железо воры поснимали. Раньше дорого было, а теперь вообще никто не купит.

А вот там, неподалеку от водокачки, много лет пустует недостроенная дача. Мужик надрывался, хоромы намеревался поставить, чуть ли не на половину участка. Для детей старался. Говорил, поставит родовое гнездо и отдаст ребятам. Ага, поставил... Мужика прямо на участке парализовало. В больнице помер. И оказалось, что его родовое гнездо никому не нужно. Зачем на земле пахать, когда все овощи и фрукты можно купить на рынке. Вот молодежь и отказывается от всего, что им родители готовили, жили рвали, надрывались. Плевали они...

— Володька, зараза такая, когда мою лопату отдашь? — донесся резкий протяжный голос.— Как взял по осени на минуточку, так до сей поры не отдаешь,— и ехидно так.— Видать, лопатка привыкла к новому хозяину, да, Вовка?

— Да отдам я, отдам,— заворчал Володька, то и дело поправляя рюкзак.— Забыл. Ей-Богу! Осеню приткнул в уголок за дверь, будку закрыл и уехал. Если бы ты, дед Митрич, не напомнил, я бы даже не вспомнил.

— Вот и давай таким оглоедам,— из-за забора выглянул старик в фуражке, в старой телогрейке и вытер вспотевшее лицо.— Здорово, Петрович! Говорят, по вашей улице жулики прошлись. Много забрали?

И с любопытством уставился на Петровича.

— Как сказать, дед Трофим... — Петрович поставил сумку на землю. — И украли много, а напакостили еще больше. У нас почти каждый год воруют. Сволочи, знают, что никто не станет искать, вот и пользуются этим. Я взял и вкопал емкость и бочки в землю. Глубоко опустил, чтобы не выдернули. Они же что стали делать... За машину цепляют и выворачивают, а потом грузят и поминай, как звали. В будку залезли. Ничего не нашли. Взяли, все поразбросали, стекла повыбивали и рамы сломали, хотя сами в дверь зашли. Я же на зиму не стал закрывать будку. Пусть заходят. Все ценное давно вывез оттуда. А они, сволочи, если ничего нет, значит, напакостим... Эх, люди-людишки, сволочи — воришки!

И махнул рукой.

— А вот у Ермохина, что через проулок, — старик кивнул, показывая. — Ты знаешь их, Петрович. Сколько дачу держат, столько лет и строят. А сейчас, как на пенсию вышли, так и живут участком. Вот к ним залезли. Вывезли все, что можно было. Даже столбы украли. Как? Да очень просто! Видать, заранее присмотрели. Воду залили в трубы и оставили. Земля стала мягкая. Ночью подъехали, зацепили и выдернули. Один штакетник валяется. А у стариков ни детей, ни родственников. Где они возьмут деньги, чтобы новый забор поставить? Скорее всего, воры знали, что здесь старики обитают. И у них украли. Гады последние! Как только этих тварей земля держит...

И старик принялся материться: сильно, громко и обиженно.

— Ладно, у нас только металл воруют, — Володька закурил и махнул рукой. — А вот у моего брата дача на берегу речки. Да какая дача — одно название. Клочок земли, будочка в углу и все на этом. Так у них не только металл крадут. Как весна наступает, туда, на берег речки, бомжи перебираются и почти каждый день рыбаки вывают. Не успеют посадить, не успеет проклонуться, а эти шакалы уже лезут на участок. Выдирают все, что можно сожрать или продать.

— А мне жена рассказывала, — к ним подошел еще один дачник: в подвернутых штанах, в рубахе нараспашку и женской шляпе с веселеньким бантиком на боку. — Говорит, у них на работе мужик есть. Осенью собрался картошку копать. Приезжает. Глядь издалека, кто-то на участке мелькает. Подходит, а там несколько здоровенных парней картошку выкапывают. Он испугался. Если скажет, что хозяин, могут голову оторвать, тут же закопают, и никто не найдет. Он постоял, посмотрел, а потом сказал, мол, мужики, а мне можно с вами покопать? Чуточку для себя набрать, а? Они смеются. Говорят, заходи, все равно чужое. Вот сколько мужик успел выкопать — это для него оставили, а остальное загрузили в машину и увезли. Вот и сажай для чужих...

— Не говори, сосед... Все они: сволочи, гады, твари последние, потому что последние крохи у людей забирают, — сказал дед Трофим. — Я говорю сыну, давай капкан поставим, враз отучим лазить, а он отвечает, не дай Бог, если вор попадет в капкан, сразу тебя посадят. Лет пять дадут за посягательство на жизнь и отправят кедры окучивать в тайгу, вот так прямо и сказал. А какое покушение, если я свое защитить хочу? Да уж, законы...

И старик задумался, навалившись на забор и, поглядывая на соседей.

— Вот оно — наше правосудие, — вздернув брови, сказал Володька. — Вора поймаешь в капкан, за это срок намотают. Что же получается, братцы? Получается, что у воров полная свобода действий, так сказать. Тащи все подряд. И тащат! Машинами воруют, а их словно не замечают. Странно...

— Правильно говоришь, Вовка, но самое интересное, если разложить по полочкам, что приезжают воровать не бомжи, а люди с машинами, — кивнув, сказал Пет-

рович.— Люди, которые уже все просчитали на много шагов вперед. А вот так! Они мотаются, все высматривают и высчитывают, а может им говорят, когда и куда нужно нагрянуть, и потом в один прекрасный день приезжают на машинах да еще кран с собой тащат. А вы подумайте, как они огромную емкость могут погрузить на машину. Ее вдесятером с места не сдвинешь — пупок надорвешь, а они грусят. Это можно краном поднять и никак иначе. И считайте, сколько техники привлекается для воровства. Машины, на которых воры приезжают, машины, на которые грусят и еще кран пригоняют. И воруют не с одного участка, а сразу несколько улиц грабят. Спокойно воруют, не боятся, что поймают. А почему не боятся? Сами думайте... А потом еще металл сдать нужно. Тоже подумайте, как они груженые всяkim железом проезжают по дорогам, а потом сдают в пунктах приема, где сразу же видно, что это ворованное, но никто не интересуется, где взяли. И сами приемщики не боятся, когда берут украшенный металл. Кто объяснит, почему так происходит? Ага, молчите! Вот и я не могу найти ответ на этот, казалось бы, легкий вопрос. Хотя, если поглубже копнуть, есть догадки, есть...

Петрович поморщился, махнул рукой, поднял сумку и стал подниматься в гору. Володька подхватил рюкзак и засеменил за ним, стараясь догнать.

— Слыши, Петрович,— крикнул Володька.— Что хочу спросить... А что ты свою дачу не бросаешь, а? Говоришь, что воруют, а самого не выгонишь с дачи. Ты глянь, сколько участков пустует. Умные люди давно на диванах лежат и в потолок плюют, а ты каждый год мотаешься, с утра и до ночи пашешь на участке, а урожай с гулькин нос собираешь, потому что все, или почти все украли. Глянь, сколько побросали...

И Вовка ткнул пальцем, показывая на склон горы.

По склону горы, там и сям были видны заросшие квадраты... Даже не квадраты, а словно неведомая болезнь расползлась по дачкам. Где люди ухаживали, там участки чистенькие видны, а на остальные взглянуть страшно. Хозяин оставляет участок и земля начинает умирать... Нет, не сама земля умирает, а участок заполоняют сорняки, кустарник разрастается, яблоньки дичают и все оплетает вьюнок, словно паутиной... Пройдет несколько лет и вместо дачного участка появляется зеленое пятно. И таких пятен становится все больше и больше. Точно неизвестная болезнь захватывает землю, вытесняя оттуда людей, а может, наоборот — это не хвороба, а природа возвращается, залечивая раны, что люди нанесли. И многие люди не в силах бороться с природой, и с теми бедами, что сваливаются на них, не выдерживают трудностей и отступают. И бросают свои дачи. А потом появляются бомжи, которые уносят все, что можно продать, которые будут собирать урожай и тащить на рынки, к магазинам и отдавать за копейки. А когда уже нечего будет собирать, бомжи и воры забрасывают участки и переберутся на другие, где еще можно поживиться, а оставленные участки начнут умирать, покрываясь сплошным ковром сорняков. Люди, занимая земли, несут за собой всякий мусор, и туда перебираются сорняки, потому что, где живет человек, там всегда растут сорные травы, а когда люди бросают участки, крапива и репейник заполоняют, всю землю захватывают. Может, когда-нибудь, весь склон покроется зеленым ковром. Значит, дачники проиграли. И непонятно, кому проиграли: ворам, бомжам или природе. Скорее всего, что ворам и бомжам, а природа просто лечит свои раны. Все может быть...

— Говоришь, почему не бросаю дачу... — задумавшись, сказал Петрович.— Знаешь, Вовка, скучно дома сидеть. Много раз хотел бросить все к едрене фене, даже манатки собирал, а потом зиму посижу, подумаю и опять тащусь на дачу.

— А я сразу брошу, как на пенсию пойду,— подпрыгнув, поправляя рюкзак, скороговоркой сказал Володька и провел ладонью по горлу.— Вот так осточертело! Глаза бы не смотрели на эту дачу. Правда! На работе вымотаешься, на участок придешь,

к вечеру так ухайдакаешься, что не знаешь, дойдешь до дома или где-нибудь свалишься. Пашешь, пашешь, как папа Карло, а воры придут, урожай соберут и оставят тебя с носом. Вот и получается, что выращиваем для дяди чужого, а не для себя. А ты, Петрович, подсчитай, сколько денег тратим на всякие семена, на воду и землю, а сколько на дорогу улетает — это ужас! Знаешь, лучше лежать на диване и в потолок поплесывать, а захочу огурчики или помидорчики, на рынке куплю, все дешевле, чем самому выращивать. От пузя нажрусь и опять на диван завалюсь. Эх, красотища!

И снова подпрыгнул, поправляя рюкзак.

— Дурак ты, Вовка,— буркнул Петрович, покосившись на невзрачного мужика.— Дело не в том, что работаешь до упада, не в том, что половину урожая своруют или калитку с бочками утащат. Понимаешь, Володь, на диване ты быстро загнешься. Да... Долго не протянешь — это факт. А здесь тебе и разминка, и свежий воздух, и овощи свеженькие, прямо с грядки, и смородинка поспевает, и яблочки наливаются, но главное — это тишина, которая заставляет думать, размышлять о жизни, а глянь, какая природа вокруг, птички поют, вон, прислушайся, как заливаются, а какое общение с соседями и знакомыми, а если еще при этом по полосочке опрокинуть... Вообще, красотища!

И Петрович, покачивая головой, причмокнул.

— Красиво говоришь, а вот по полосочке хлопнуть — это хорошо, но где взять? — не удержался, тоже причмокнул Володька и оглянулся.— Я бы сейчас не отказался начало сезона отметить. Полный рюкзак тащу, все положил, а пузырек забыл сунуть. Придется на сухую...

— Вот видишь, я прав оказался, что пора сезон открывать,— сказал Петрович и похлопал по карману.— Нет, что говоришь-то... Не сезон, чтобы пьяниствовать, а дачный сезон откроем, чтобы все у нас росло, цвело и пахло, а осенью урожай соберем, дай Бог, целехонький. Да, так и должно быть, как сказал... Ладно, Вовка, угощу тебя, горемычного,— он хохотнул.— Пошли, Володь, у меня посидим. По рюмашке опрокинем, по душам потолкуем. Глядишь, кто-нибудь еще на огонек заглянет. Все веселее будет. За жизнь поговорим. Считай, с осени не виделись. Много воды утекло, когда последний раз встречались. Поговорим, а потом примемся за работу. Заждалась землица, истосковалась. И мы соскучились. Да вот... И будем до тех пор ходить на участок, покуда нас вперед ногами не вынесут с него. А вон, глянь, Николай Матвеич с нашими мужичками идет,— и крикнул.— Эй, Матвеич, зайди ко мне! И ребят приведи. Да посидим, за жизнь покалываем, обо всем посоветуемся, а потом за работу возьмемся. Соскучились за зиму. А сезон закончится, дружно скажем, слава Богу, отмучились, но сами всю зиму будем сидеть и ждать, когда весна наступит. А весна придет, снова пойдем на дачу и будем радоваться, что наконец-то дожили до нового сезона. Вот так-то, Вовка! Все, добрались. Заходи в гости...

И, подталкивая соседа, Петрович распахнул калитку и заторопился к будке.

Весна. Дачный сезон начинается...